

ния исходили иногда и от римских императоров (стр. 36). Открывавшиеся благодаря развитию торгового обмена с римскими купцами широкие возможности обогащения родовой знати были одной из предпосылок для существенных социально-экономических перемен у древнеславянских племен. Процесс разложения первобытно-общинного строя протекал у них несколько ускоренными темпами, развивалось более резкое имущественное неравенство, усиливалась эксплуатация общинников родовой верхушкой, росло рабство и т. д.

Вывод, которым заканчивает свое исследование К. Маевский, состоит в том, что торговые взаимосвязи между Римской империей и древнеславянскими племенами оказывали влияние на ход исторического развития этих племен. Указанные связи имели значение не только для культуры материальной и духовной, — они воздействовали и на социально-политическую жизнь. Ускоренный распад родовой общины способствовал возникновению зачатков первых славянских классовых обществ, господствующий социальный слой которых создал затем политические организации, т. е. первые славянские государства (стр. 40).

Как видим, торговые связи древнеславянских племен с Римской империей исследованы К. Маевским в широком плане, многосторонне, что позволило автору нарисовать яркую картину и дать интересные исторические выводы. Считаем, однако, что при рассмотрении торговых взаимоотношений римских купцов с древнеславянскими племенами следовало бы рельефнее показать эксплуататорский характер этой торговли в отношении последних, торговли весьма далекой, конечно, от эквивалентности обмена, что характерно для всех торговых связей Римской империи с «варварами».

Некоторые вопросы в книге затронуты только вскользь. Иногда, из-за отсутствия или скудости фактических данных, автору приходилось прибегать в значительной мере к гипотетическим построениям. Но все это ничуть не снижает большого значения работы, представляющей собой ценный труд, посвященный важному вопросу древней истории славянства, первый труд на данную тему, построенный на столь огромном фактическом материале.

Хотя заглавие книги говорит о римском импорте в славянские земли, иными словами, оно как бы обещает осветить римско-славянскую торговлю на всей древнеславянской территории, в действительности автор детально разбирает торговые связи Рима только с западнославянскими областями. Нельзя сказать, что такое ограничение проблемы неправомерно. Но это ограничение должно было бы найти свое отражение и в заглавии книги. Вместе с тем следует подчеркнуть, что К. Маевский разделяет точку зрения тех исследователей, которые рассматривают культуру «полей погребений», как культуру славянскую или праславянскую (см. примечание 90а на стр. 51). Отсюда естественно вытекает для автора книги необходимость соответственно расширить территориальные рамки своего исследования и включить в него, в частности, районы Побужья и среднего Поднепровья. Будем надеяться, что это он и сделает в ближайшем будущем, поскольку, как подчеркивает К. Маевский в предисловии, в его дальнейшие научные планы входит издание полного, исчерпывающего свода материалов, освещающих торговые связи Рима и римских провинций с древними славянами.

При специальном рассмотрении этих вопросов в отношении районов Побужья и Поднепровья должно быть, конечно, в полной мере учтено значение севернопричерноморских городов, особенно Тиры и Ольвии, несомненно, игравших очень важную роль в торговых связях между древнеславянскими областями и античным миром.

В. Ф. Гайдукевич

G. CONTENEAU, *La Civilisation des Hittites et des Hourrites du Mitanni*, P., 1948, 202 стр.

Среди буржуазных ученых, занимающихся историей и археологией стран Переднего Востока, Жорж Контено считается одним из наиболее авторитетных. Его перу принадлежат многочисленные труды и в их числе известный четырехтомный справочник «Руководство по археологии Востока», содержащий огромный фактический материал. Еще в 1934 г. Ж. Контено выпустил книгу о культуре хеттов и Митанни, прошлое которых только в течение текущего столетия стало принимать реальные очертания. Вообще, если не считать «всеобщих историй» типа «Cambridge Ancient History» или «Histoire Générale», имеется не более десяти-двенадцати достойных внимания сводных работ о хеттах, если даже включить в это число такие устаревшие книги, как «Reich und Kultur der Chettiter» Эд. Мейера, вышедшую в 1914 г. С тех пор хеттология сделала огромные успехи, и появляющиеся труды стареют буквально через 2—3 года, так как ведущиеся раскопки обогащают нас свежими сведениями, а дешифровка новых текстов заставляет пересматривать то, что, казалось, было твердо установленным, как это, например, случилось с хронологией III и первой половины II тысячелетия до н. э. для Двуречья и окружающих его стран. Вот почему и работы, появившиеся 15—20 лет назад, как например, первое издание книги Контено или опередившая ее на год «Малая Азия» А. Гётте, далеко не соответствуют современному уровню науки.

В рецензируемой работе учтены последние изыскания как археологов (раскопки в Кюльтепе, Эйюке, Алишаре, Богазкёе, Малатии), так и историков. Таким образом, монография Контено представляет собой, по его собственному замечанию, «краткую сводку всего того, что мы знаем о данном предмете». Естественно, что эти знания ограничены узкими взглядами ученого, не желающего или не могущего преодолеть порочность методологии и методики буржуазной науки. Но если книга Ж. Контено и не отвечает на все вопросы, возникающие при изучении истории и истории культуры хеттов и хурритов, а некоторые толкует неверно, то полнота собранного материала, широкий охват темы, привлечение вновь открытых источников заставляют внимательно отнестись к ней, тем более что оба эти народа, точнее обе группы народностей, представляют для нас особый интерес. Хетты и хурриты были ближайшими соседями племен, заселявших в древности Закавказье, и непосредственно общались с ними на протяжении многих веков; «протохетты» и многие племена Митанни принадлежали к тем же «азиатическим» народностям, что и население Закавказья, а этногенез и культура последних имеют огромное значение для истории народов СССР. «Пути происхождения и развития Триполья не могут быть достаточно полно освещены без изучения культурно-исторических связей, существовавших в III—II тысячелетиях до н. э. у племен далеких областей Днепра, Буга, Днестра, Дуная и Балкан с древними народами Средиземноморья и Малой Азии»¹. У древнейшего населения Поднестровья наряду с чертами средиземноморского типа «можно отметить еще и черты другого — переднеазиатского типа, так называемого „арменоидного“, которому сопутствует крашеная керамика древних земледельческих культур Передней и Малой Азии»². Все это заставляет внимательно отнестись ко второму, дополненному и расширенному изданию работы Контено.

Остановимся сначала на содержании книги с тем, чтобы легче было затем рассмотреть ее достоинства и недостатки, а также взгляды и намерения автора, с которыми они, естественно, неразрывно связаны.

Вся книга состоит из пяти глав и «Заключения». Первая глава — «Общий обзор» — начинается с краткого очерка физической географии Анатолии и Верхней Сирии и определения роли географической среды в развитии обоих народов. Далее делается попытка уточнить этнический состав населения этих стран в III—II тысячелетиях до н. э. При

¹ Т. С. П а с с е к, Периодизация Трипольских поселений, МИА, № 10, стр. 20.

² Там же.

этом несколько преувеличивается значение индо-европейцев, «предстоящих перед нами — по мнению автора — как подлинная руководящая аристократия» (стр. 5). Несколько разделов посвящено обзору источников, сообщениям путешественников и упоминаниям о важнейших археологических экспедициях. Более подробно автор рассказывает об истории и методах дешифровки хеттского клинописного и иероглифического письма, уделяя особое внимание работам Б. Грезного.

Затем Контено возвращается к проблемам этногенеза. Он отождествляет «азиатские» народности с кавказскими и характеризует в общих чертах этнический тип, язык и религию последних, отмечая родство языков Малой Азии и Северной Сирии с армянским. При этом справедливо подчеркивается, что историк стран древнего Востока обязан считаться с ролью не только семитов, но и «азиатских» племен. Особенно интересует автора вопрос о времени и путях проникновения индоевропейцев в Переднюю Азию. Он резко полемизирует с немецко-фашистскими «учеными», пытавшимися искать их родину в Германии, и полагает, что путь индоевропейских племен скорее всего пролегал через великие русские равнины, Балканский полуостров и Босфор. Менее убедительной представляется ему другая гипотеза, а именно, что индоевропейцы пришли в Малую Азию через Кавказ. Вывод автора сводится к тому, что «хетты принадлежали к индо-европейцам группы Кентум, а не к индо-иранской группе» Экспансия хеттов связана с движением индо-европейских племен на Балканах во II тысячелетии до н. э., с которыми их объединяет общность происхождения, как это доказывается близостью керамики и сходством языковых форм (окончания *-ti* и *-to*, *-s* и *-os*). Неситы, лувийцы и другие индо-европейские хеттские племена близки пеласгам.

Заключение главы посвящено проблемам хронологии. После общего указания на источники и методы ее определения автор останавливается на уточнениях и изменениях, внесенных открытиями последних лет. Они заставили пересмотреть и приблизить датировки IV—II тысячелетий до н. э. для Двуречья. Естественно, соответствующие изменения должны быть внесены в хронологию хеттов и хурритов, поскольку последние основываются преимущественно на аккадских, вавилонских и ассирийских источниках. Хотя Контено принимает новую систему, все же он наряду с новыми датами оставляет старые, под тем предлогом, что для хеттов синхронизм еще не установлен, а многие археологи отказываются признать новые даты правления I Вавилонской династии. Следует отметить, что «новые» даты, указанные Контено, также устарели и должны быть заменены теми, которые установили С. Смит¹ и акад. В. В. Струве².

Глава II — «Протохетты и древнехеттское государство» — рассматривает период, когда древнейшие хеттские племена появляются на исторической арене. Их культура характеризовалась чертами предшествующего смешения различных племен, которые уже были знакомы с металлом. Древнейшие упоминания о населении Малой Азии встречаются в различных вариантах предания о походах Саргона Аккадского и Нарам-сина, в основе которого несомненно лежат исторические события. Таблички из ассирийских колоний в Каппадокии повествуют о событиях начала II тысячелетия, т. е. времени, предшествующего образованию хеттского государства. Часть их была приобретена и издана в свое время В. С. Голенищевым.

Описывая торговые связи и организацию колоний ассирийцев в Малой Азии, а также устанавливая их местоположение, Контено полагает, что местные князья не являлись подданными аккадских царей. Первые упоминания о «хетти» находятся в архивах этих колоний. Этих «хетти» не следует отождествлять с хеттами-неситами (индо-европейцами). Для изучения древнейшего периода истории хеттов особенно важны раскопки в Кюльтепе (Канес) и Алишаре. Здесь найдены не только «каппадокийские» таблички и керамика, но и глиптика. На тематике и технике памятников глиптики сказались влияние современного им искусства Шумера и Аккада. Однако в одежде и украшениях

¹ S. Smith, *Alalakh and Chronology*, L., 1940.

² В. В. Струве, Датировка I Вавилонской династии, ВДН, 1947, № 1.

отмечаются местные черты, что в дальнейшем, развиваясь, проявилось и в искусстве. Изображения богов также имеют много общего с аналогичными изображениями из Суз, Киша и Эгейского архипелага. Таким образом, уже тогда хетты играли роль связующего звена между Западом и Востоком. Работы советских ученых, которые Контено обходит полным молчанием, чем значительно обедняет свою работу, позволяют говорить о связях хеттов во II тысячелетии до н. э. и с Северным Причерноморьем.

По мнению автора, подлинными основателями хеттского государства были индо-европейские племена. При них оно достигло расцвета своего могущества, так как они объединили разрозненные азиатические племена под своим господством. Глава оканчивается кратким изложением истории неспотов, начиная с первого известного нам царя Питана до вторжения хурритов и касситов (1500 г. до н. э.).

Глава III — «Хурриты и Митанни» — содержит краткий очерк истории этих стран. Население Субарту, вошедшее впоследствии в состав Ассирии, никогда не было полностью семитическим. Рассматривая различные гипотезы о составе местного населения, автор заключает, что область, где во II тысячелетии до н. э. находилось царство Митанни, была «азиатической» еще в III тысячелетии. Язык хурритов — агглютинирующий, и только отдельные черты сближают его с индо-европейскими языками. Ближе всего он языкам Кавказа, в частности, грузинскому. В результате краткого исследования политической географии Хурри и Митанни, причем попутно определяется местоположение Нахарины египетских текстов, автором делается вывод, что Хурри представляло собой государство, современное Митанни, и располагалось рядом с ним, отделяя последнее от хеттов. Точнее определить его границы пока невозможно. В ассирийских текстах оно называется Ханигальбат. В середине II тысячелетия до н. э. хурриты распространились на весь Ханаан, северную Сирию, северное Двуречье и на территорию Ассирии вплоть до Загроса. Недаром египтяне называли Сирию и Палестину — «Хару». Это было время, когда фараоны-освободители изгнали гиксосов (около 1600 г. до н. э.), преследуя их в только что названных странах. Таким образом, народ, временно поработивший жителей долины Нила, может быть сопоставлен с хурритами.

История Митанни пока восстанавливается только с помощью иноземных источников. Автор излагает внешнеполитические события по египетским и ассирийским архивам. Завоевания Митанни по размаху и значению предшествовали завоеваниям Ассирии. Анализируя язык Митанни, можно заключить, что в этом государстве имелись и арийские элементы, так же как у хеттов. Притом некоторые собственные имена и имена богов объяснимы только с помощью индусской лексики. Доказательством служит также изданный Б. Грозным трактат о верховой езде, где встречается много слов, близких индусским.

Что касается социального строя Митанни, то он, по мнению Ж. Контено, придерживавшегося наиболее распространенного в буржуазной науке направления, характеризовался феодальными отношениями. Это была, пишет он, «наследственная монархия феодального типа с распределением наделов, влекущим за собой гражданские и военные повинности царю». Последний опирается на касту аристократов — «мариана», возможно, индо-европейцев. Заметив попутно, что основным занятием жителей было земледелие, автор к вопросам экономики более не возвращается, хотя заглавие книги как будто к этому обязывает. Впрочем, в этом нет ничего удивительного. Контено под «культурой», «цивилизацией» понимает только идеологию: религию, искусство, литературу. Однако даже и о последней он говорит меньше, чем мог бы, так как ряд литературных памятников хеттов все же сохранился. Этот недостаток книги легко объяснить: по своим интересам Контено является археологом и историком искусства. Поэтому письменные памятники интересуют его меньше, и он уделяет им более скромное место в своей работе, чем памятникам вещественным.

Найденные в Керкуке (Нузи) юридические документы дают право заключить о наличии достаточно развитых правовых норм (кредитные операции, отдача рабов в наем и т. п.). Право Митанни ближе всего вавилонскому, под влиянием которого оно, вероятно, развивалось.

Религия хурритов была синкретична. Митаннийские божества (Тешуб, Хена и др.)

уживаются с арийскими (Митра, Варуна, Индра и др.) и ассирийскими. Искусство, в частности глиптика, напоминает памятники Каппадокии, но ближе к шумерийскому, чем к вавилонскому. Причину этого Контено усматривает в этнических факторах: семиты Вавилона изменили характер древней шумерийской глиптики, хурриты же ближе шумерийцам. Однако старые сюжеты трактуются хурритами несколько differently. Отмечено также влияние Египта и Эгейского круга. Краткая характеристика митаннийской скульптуры иллюстрируется описанием отдельных памятников (из Ассура, Джаблудла, Алеппо и других мест). Попутно автор останавливается на важных раскопках в Нузи.

Хурритская проблема имеет существенное значение для разрешения вопроса о происхождении гиксосов. Хотя многие собственные имена, упоминаемые в связи с ними, семитического происхождения, они, по мнению автора, принадлежали к азиатическим народностям. Наряду с семитическими именами отмечается обилие азиатических. Имеются и иные доказательства (например, антропологические измерения скелетов). Таким образом, в этническом отношении гиксосы были далеко не однородны, и хурриты играли среди них существенную роль. Движение этих племен зародилось в центральной Азии и отдельными волнами прошло через северное Двуречье, Сирию и Палестину. Связано с ним и появление касситов в Вавилонии. Перемещение хурритов имеет непосредственное отношение к переселению из Азии индо-европейских племен в конце III тысячелетия до н. э., в результате чего неситы, обогнув Черное море, осели в Богазкее, а мидяне и персы — в Иране. Контено еще раз подчеркивает, что все же ошибочным было бы рассматривать гиксосов только как хурритов, которых сдвинули на юг две ветви переселяющихся индо-европейских племен — хеттско-несийская и касситская.

Глава IV — «Ново-хеттское царство хеттов Богазкея» охватывает период с 1420 по 1200 гг. до н. э., т. е. до нашествия «народов моря». Документами он освещен лучше предшествующего, в частности, международные отношения. Изложив вкратце историю царствований Супилулиумы и Мурсили II, Контено останавливается на вопросе об ахейцах — «ахиява» из текстов Богазкея, — и соглашается с тем, кто доказывает существование образованного ими сильного государства с центром в Микенах, которому принадлежали западная часть Малой Азии, Крит и острова Эгейского моря. Удастся отождествить некоторые имена, упоминаемые в «Илиаде». Последующие страницы описывают длительные и насыщенные событиями войны с Египтом за преобладание в Сирии и в Палестине. После заключения мира с Египтом, даже несколько раньше, хеттское государство слабеет. Причины этому автор усматривает исключительно в обстоятельствах внешних: малочисленности господствующего племени неситов, в новом нашествии ахейцев, в недовольстве покоренных народов.

Социальная и политическая организация, по мнению Ж. Контено, остается прежней, т. е. феодальной. В то же время он признает существование двух «категорий людей» — свободных и рабов. Воля царя теперь ограничивается советом, состоящим из членов царской семьи и представителей знати. Власть царя идеализируется: он должен быть «отцом своего народа, кормильцем голодных, утешителем скорбящих». «Ленные отношения» привнесены индо-европейцами. Автор совершенно не упоминает ни о внутреннем положении в стране, ни о народе и его занятиях.

Вторая часть главы, и притом значительно более обширная, чем первая, посвящена обзору религии хеттов второй половины II тысячелетия до н. э., культу, магии и, особенно, искусству. Автор описывает памятники архитектуры, скульптуры, металлургии и керамики. Он рассматривает отношение хеттского искусства к искусству других народов и, в частности, Кавказа, откуда некоторые мотивы перешли в Малую Азию (стр. 137, 141, 154). Если бы Контено ознакомился с результатами работ советских археологов, в первую очередь Б. А. Руфтина и Б. Б. Пиотровского, он мог бы привести значительно больше фактов, а выводы его были бы гораздо полнее.

История сиро-хеттов или новохеттов, изложенная в V главе, стала более или менее ясной в течение последних десятилетий. Один из основных источников — анналы ассирийских царей, повествующие о походах против многочисленных царьков и князь-

ков, владевших обычно одним городом и прилегающей к нему местностью. Они группировались вокруг наиболее сильного из них — царя Кархемиша. Этнический состав населения был пестрым: хетты и хурриты, семиты и индо-европейцы. Далее следует сжатый обзор военно-дипломатических событий (борьба с Ассирией) до падения Кархемиша в VI в. до н. э., а затем, — гораздо подробнее, — описание произведений глиптики, скульптуры и архитектуры Кархемиша, Зенджирли, Телль-Ахмара и других мест. Искусство новохеттов нельзя объяснить только с помощью памятников хеттов, населявших Анатолию. Оно становится понятным, только если привлечь и памятники хурритов. Вообще «в Анатолии и в Верхней Сирии мы знаем на протяжении II тысячелетия две большие школы искусства: 1) искусство хеттов в Анатолии, унаследовавшее в значительной степени искусство протохеттов (в свою очередь наследников Шумера) и однородное в других чертах искусству эгейскому; 2) искусство Митанни, заимствовавшее в свою очередь тематику в шумерийском искусстве. Из их соприкосновения рождается искусство сиро-хеттов» (стр. 182).

Краткое «Заключение», озаглавленное «Хетты. Восток. Греция» подводит итог предшествующим главам, резюмируя выводы автора. Они начинаются с определения значения хеттов в культуре Средиземноморья, в частности в культуре эгейской, причем отдельно рассматривается роль азиатских и индо-европейских племен. «Поразительно» сходство керамики Балканского полуострова и Крита с керамикой хеттов. Торговое посредничество хеттов сближало культуру Запада с великими культурами Востока. Все это определяет важную роль хеттов и хурритов в развитии цивилизации древнего мира.

Текст дополняют 2 хронологические таблицы, 2 карты, 55 рисунков и 16 таблиц с иллюстрациями; техническое оформление последних, как обычно во французских изданиях, заставляет желать лучшего.

При относительно скромном объеме книга Контео содержит обильный фактический материал. Изложен он в легкой и доступной форме. Автора иногда можно скорее упрекнуть в излишней краткости, особенно тогда, когда он говорит не об искусстве или религии. Однако эта книга, конечно, нуждается в значительных принципиальных исправлениях и дополнениях, ибо методологические установки автора и связанные с ними его научная методика далеко не соответствуют требованиям подлинной науки.

Некоторые неверные установки и взгляды Ж. Контео, а также ошибочные приемы исторического исследования, примененные им, были попутно отмечены при изложении содержания книги. Остановимся на них более подробно. Все изменения в религии, искусстве, культуре и т. п. автор обычно объясняет изменениями этнического состава населения. Он оставляет в стороне факторы экономические и социальные; очень редко касается и политических моментов. Последние занимают его лишь в той мере, в какой они связаны с вторжением тех или иных племен. Таким образом, в изложении Контео движущей силой, определяющей развитие народа и его культуры, являются изначально присущие ему характерные черты. Однако сам народ, его занятия, быт, положение автора не интересуют. В его интерпретации народ представляется пассивной, аморфной массой; народом руководит аристократия во главе с царем. Все же в книге неоднократно подчеркивается значение всех основных народов древнего мира в развитии человечества и указывается, что ошибочным было бы игнорировать какой-либо из них. Контео резко отличается от тех фашиствующих «ученых», которые усматривают в индоевропейцах «высшую расу». Правда, роль последних, как мы видели, преувеличивается: они якобы взяли на себя функции организаторов и «вождей». Конечно, можно согласиться с автором, что в хеттском государстве несцы и лувийцы образовали господствующую прослойку, но случилось это отнюдь не в силу каких-то особенных их качеств, а явилось следствием обычного завоевания менее культурными, но более сильными племенами более слабых стран, одряхлевших вследствие внутренних противоречий. Так было в Вавилоне, где отсталые в культурном отношении племена аморейцев подчинили древние шумерийские города, и позднее, когда каситы захватили значительную часть Двуречья.

Исходя из подобных установок, определяет Ж. Контено и законы развития искусства. Общность форм вытекает из общности этнической. Новые формы возникают вследствие влияния искусства одного народа на искусство другого. Таким чисто механическим путем из сочетания форм шумерийского искусства, унаследованного Митанни, и протохеттского рождается, например, по мнению автора, искусство новохеттов.

Только одними внешними причинами—обычно нашествиями—объясняются гибель или периоды временного упадка того или иного государства. При характеристике общественного строя автор из-за методологической беспомощности впадает в полное противоречие с собственными своими высказываниями. Он определяет, например, хеттское общество, как феодальное, но в то же время признает, что там существовало два класса — «свободные и рабы».

Не избежал Контено и обычной для современной буржуазной науки вульгарной поверхностной модернизации, хотя к ней он прибегает сравнительно редко. Так, явно неудачны сопоставления ассирийских колоний в Каппадокии с современными концессиями или хабири с французскими наемниками XIV—XVI вв.

Игнорирование работ советских археологов и историков, открывающих в полном смысле этого слова новые горизонты в изучении прошлого народов Кавказа, Закавказья и Северного Причерноморья, а следовательно, и всего Переднего Востока, значительно обедняет не только содержание книги, но и выводы автора. Теперь становится все более и более очевидным, что близость, например, культуры Триполья с древними культурами Малой Азии, Балканского полуострова и Крита далеко не случайна и при решении вопроса об этногенезе соответствующих племен и народов нельзя не считаться с археологическим материалом, добытым в СССР.

Сосуществование в книге двух хронологических систем создает известную нечеткость.

Все же, несмотря на эти очень существенные недостатки, работа Ж. Контено содержит весьма ценный и обширный фактический материал. Вот почему было бы вполне оправданным издание этой книги в русском переводе, особенно если принять во внимание недостаток подобного рода общих работ по истории хеттов и хурритов, близко стоявших ко многим народам, населявшим некогда некоторые области нашей родины.

И. С. Кацнельсон

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

7

ВОЙНА МЕЖДУ РИМСКОЙ ИМПЕРИЕЙ И ПЛЕМЕНАМИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В 250—251 гг. Н. Э.

Важным этапом антиримской борьбы племен Прикарпатья и Северного Причерноморья были войны III в. н. э. В 230—270-е гг. н. э., воспользовавшись глубоким социально-экономическим кризисом империи, на нее с огромной силой обрушились карпы, аланы и другие причерноморские племена. Первые крупные нападения этих племен относятся еще ко времени Александра Севера и Максимиана, когда варварам удалось опустошить пограничные римские районы и даже разрушить г. Истр. В 230—240-х гг. коалиция варварских племен провела ряд больших и упорных войн, добиваясь порой довольно значительных успехов. В 242 г. в одном из сражений аланы разбили самого императора Гордиана III (SHA, 34,4), в 248 г. крупные силы «скифов» прорвались далеко в глубь придунайских провинций и осадили город Марцианополь.

Крупнейшей войной III в. была война 250—251 гг. Окончившись разгромом римлян при местечке Абритта, она значительно обострила внутренний кризис империи. Однако как и вся война 250—251 гг., так и битва при Абритте не привлекли должного внимания ни нашей советской историографии, ни тем более буржуазной литературы.

Обращаясь к источникам по войне 250—251 гг., следует отметить, что она заняла прочное место не только в греко-римской, но и в византийской исторической традиции. Конечно, исходные позиции различных авторов в изображении событий войны и их осведомленность были весьма неодинаковы. Внимание римских писателей приковывала геройская смерть обоих Дециев и измена Приска, а самому ходу военных действий почти не уделялось внимания. Поздневизантийские авторы (Зонара и Синкелл) дают хотя и беглое, но более последовательное изложение событий. Незаменимым источником для изучения этой войны является «Getica» Иордана, а для заключительного периода военных действий исключительно важен рассказ Зосима — более детальный и объективный, чем повествование любого писателя. Огромный интерес для историка представляют фрагменты Дексиппа (FHG, III, 19—20), сообщающие интереснейшие подробности об осаде г. Филиппополя.

По вопросу о внутреннем состоянии империи в период войны 250—251 гг. в источниках мало данных. Зосим указывает, что в капун «скифского» похода дела империи пришли в полный беспорядок (I, 23, 1); по словам Иордана, Книва знал о незащищенности Мёзии «из-за небрежности императора» (XVIII, 101).

Дата этого вторжения причерноморских племен в границы империи может быть установлена достаточно точно. В декабре 249 г. Деций еще считал возможным отпустить со службы старослуживых солдат (CIL, III, стр. 898D); следовательно, в это время на границах империи еще царил мир. С другой стороны, Аврелий Виктор сообщает, что сын Деция, Геренний Этруск, получив звание цезаря, был сразу же направлен в Иллирию для подготовки похода (Caes., 29, 1); поскольку известно, что Геренний Этруск стал цезарем еще в апреле — мае 250 г., то естественно заключить, что весной 250 г. «скифское» нападение уже приняло значительные размеры.

Таким образом, повидимому, скифо-сарматы начали свое нападение на империю сразу же по истечении зимы 249/50 гг.